

Новая газ. — 2000. — 28 окт. — с. 23

— Меня вчера чуть не арестовали! В час ночи я шла по Москве, и меня остановил милиционер. Попросил предъявить документы. А я никогда не ношу с собой паспорт — очень боюсь потерять, это все с такими трудами восстанавливается. Милиционер сказал: «Тогда я отведу вас в отделение! Вы откуда?» Я ответила, что я — литовка, но последние несколько лет живу в Великобритании. Но вообще-то, говорю, я актриса. И думаю, какой из моих фильмов он может помнить лучше всего. Вот, говорю, «Утомленные солнцем», помните? А он: «В «Утомленных солнцем» играла Дапкунайте, это не вы». Я закричала ему: «Это я! Просто у меня волосы там были другие!» Он говорит: «Нет, не вы». Долго не хотел верить, но потом я, кажется, все-таки его убедила. И он меня отпустил.

А вот в Англии просто нет понятия «документов». Они там не нужны. О паспорте вспомнишь лишь тогда, когда едешь за границу. Там даже водительские права без фотографии. Если тебя останавливает на дороге полиция и у тебя нет с собой прав, тебе говорят: «В течение двух дней или пришлите их или зайдите в участок». Все!

— Вы, наверное, возмущаетесь этими нашими порядками, отвыкли от них?

— Ну что вы, я же советский человек! Я выросла в Советском Союзе. К тому же приятно снова оказаться в Москве, пройтись по любимым улицам.

— Вы — активный и реализовавшийся человек, но, может быть, вас тоже временами посещает это чувство растерянности, какой-то перемешанности понятий, которое, как говорят, типично для конца века?

— У меня уже накопился какой-то опыт, и он мне очень помогает. На съемках я ощущаю себя совсем по-другому, чем на своих первых фильмах. Первая картина — это как первая любовь, такое не забудешь! Впрочем, первую любовь я помню смутно, это было очень давно! (Смеется)

— Но первый фильм все-таки помните?

— Мне было семнадцать лет. И вокруг были друзья — в картине снималось много моих однокурсников по Вильнюсской консерватории. Этот фильм делал Банионис-младший, он назывался «Моя маленькая жена».

— Кажется, в этой картине вам была обещана главная роль, но в результате вы сыграли небольшую. Как это случилось?

— Я пробовалась на главную роль, но светлой памяти Витаутас Жалакявичус (он был тогда руководителем Литовской киностудии и очень хорошо ко мне относился) сказал: «Я не стану утверждать тебя на главную героиню. Ты должна играть другую роль — она тебе больше подходит». И он был прав. Это был очень мудрый человек. А я тогда страшно расстраивалась, не понимала, почему он так со мною поступает. Я очень хотела играть главную роль, и режиссер хотел того же. Героиня этого фильма была скромная, очень приличная, хорошая девочка. Я в жизни такая и была. Я не красилась, у меня были некрасивые, какие-то скучные волосы. И вот я пришла на студию пробоваться на ту самую небольшую роль — роль веселой, разбитной девчонки, и гримерша впервые в жизни нарисовала мне ресницы и подвела губы. Это было событие. Я посмотрела на себя в зеркало и в первый раз подумала: «У меня есть шанс!» Это придало мне уверенность в себе — я решила, что могу даже кому-то понравиться! (Смеется).

— Есть люди, которые очень страшатся потерять то, что у них есть. Если они нашли что-то хорошее, то всю жизнь отчаянно за это держатся. Вы же не боитесь рисковать. После Вильнюсской консерватории вы попали в Каунасский драматический театр и за два года сыграли там семь главных ролей — почти невероятно для такой молодой актрисы! Но все же вы оттуда ушли, а еще через несколько лет ушли и из Вильнюсского молодежного театра, от знаменитого Эймунтаса Някрошуса, чтобы уехать в Лондон. Как вы не боитесь бросать все и начинать заново?

— Да, я всегда все теряла. Я уходила. При этом мне страшно

Ингеборга Дапкунайте родилась в Вильнюсе, а живет в Лондоне. Разные страны и культуры переплелись в ее актерской судьбе, кажется, действительно счастливой: Ингеборга была ведущей актрисой театра легендарного Эймунтаса Някрошуса; снималась в фильмах Никиты Михалкова, Жан-Жака Анно, Брайана де Пальмы, Петра Тодоровского; ее партнерами были Олег Меньшиков и Джон Малкович, Брэд Питт и Владимир Машков.

При этом Ингеборга совсем не похожа не только на недосягаемую «звезду», но и вообще

на актрису. Она обескураживающе проста в общении, открыта. Очевидно, что это не артистическая игра в доступность, не кокетливое желание подать себя с наиболее выигрышной стороны. Ингеборга не придумывает себя. Ей не нужно никому ничего доказывать. Наверное, поэтому с ней случаются и истории вроде той, о которой она со смехом рассказывает, сидя на полу квартиры друзей в центре Москвы...

Ингеборга ДАПКУНАЙТЕ

Дапкунайте Ингеборга

АРТИСТКЕ НЕ МЕШАЕТ ТОЛЬКО «ОСКАР»

2.10.2000

везло: мне повезло с самого начала актерского пути — с курсом, на котором я училась. Уже в первый год учебы мы выпустили спектакль. Наш спектакль закрыли. Он назывался «Уроки литературы». Нас обвинили в очернении жизни советской школы, но через полгода спектакль разрешили. К этому времени о нас уже узнали, потому что запрещение спектакля — всегда скандал и в некотором смысле большая честь. Потом у меня действительно было очень много ролей в Каунасском театре, в спектаклях моего учителя Йонаса Вайткуса, но вскоре я из Каунаса уехала.

— В результате этого поступка вы только выиграли...

— Да я ведь не играла! Это было абсолютно нерасчетливо. Я очень любила свой курс, я любила этот театр. Но я выросла в центре Вильнюса и обожаю этот город. Я мечтала туда вернуться. И я пошла к министру культуры и сказала: «Хочу в Вильнюсский академический драматический театр». Это была довольно средняя труппа, но там не хватало так называемых молодых специалистов.

— А как же вы попали к Някрошусу?

— Конечно, я мечтала работать с Някрошусом, но не решалась ему об этом сказать. Это был самый лучший литовский режиссер. И я так бы и не набралась смелости, если бы случайно не встретила художка Вильнюсского молодежного театра. Она дала мне телефон и сказала: «Позвони Някрошусу». Я позвонила и рассказала Някрошусу, что уже какое-то время играю в академическом театре в Вильнюсе. Его реакция была: «Да, там красивый фонтан в фойе». Някрошус был очень честен со мною, он сказал: «Я ничего тебе не обещаю, но у меня есть для тебя роль Корделии в «Короле Лире», репетиции начинаются прямо сейчас». И вот два года я репетировала Корделию — спектакль так и не вышел. Но я сыграла в других спектаклях — в «Чайке», в «Носе». И начала репетировать Кармен. Для меня эти годы — очень дорогая школа. Някрошус — особый человек. Люди бросаются такими определениями, как «гений», «великий», я же не говорю таких слов.

Он просто художник. У него потрясающе оригинальный способ мышления, я такого больше не встречала. Он видит и ощущает мир по-другому, чем все остальные. И он умеет подключить человека мыслить на той же высокой частоте, на какой мыслит он.

Вообще, это была счастливая пора. Со спектаклями мы объездили полсвета — увидели Америку, Европу, где только не побывали!

— Но ведь вы приняли решение уехать на Запад именно во время репетиций «Кармен»!

— Я же не знала тогда, что уезжаю навсегда! Просто у меня было несколько свободных дней, и я отправилась на пробы в Англию, подумав: «Я объехала полсвета, а в Лондоне еще не была. А вдруг получится?!» Это была сплошная случайность: затевался спектакль «Ошибка речи» с Джоном Малковичем, долго искали актрису на главную женскую роль. Знакомая режиссера, по происхождению литовка, показала ему мои фотографии. Я не думала, что все так затянется: в общей сложности мы играли этот спектакль семь месяцев — сначала в Чикаго, потом в Лондоне. Работали адски: играли по восемь спектаклей в неделю. Кроме работы я ничего не видела. Не было времени бояться знаменитого Малковича или кого-то еще. Впрочем, пару раз я паковала чемоданы: возникали сложные ситуации, думала, что не справлюсь.

— После того, как фильм «Утомленные солнцем» с вашим участием получил «Оскара», на Западе изменилось отношение к вам, как к актрисе?

— Ну конечно, это не помешало. Но больше помог не «Оскар», а то, что картину многие увидели. Если бы фильм получил «Оскара», а я бы там сыграла плохо, мне бы никакая премия не помогла.

— У вас были проблемы с языком, ведь вы играли по-английски?

— Конечно, были, несмотря на то что я училась в английской спецшколе в Вильню-

се одиннадцать лет. Я очень боялась, что меня никто не поймет. Каждый вечер со мною поочередно работали то режиссер спектакля Саймон Стоукс, то Джон Малкович. Давали мне уроки английского.

— И кто же оказался лучшим педагогом?

— Оба были хороши. Но за одного — Саймона — я вышла замуж.

— Саймон увлекается социальными проблемами. Наверное, его очень интересовало ваше советско-прибалтийское прошлое?

— Я ему все объяснила! Ему было очень интересно, тем более что мне было о чем рассказать. Хотя бы о том, как я в Варшаве в одиночестве встречала новый, 1992-й, год. О бюрократии. Это очень страшная история!

— Что же случилось?

— Под самый Новый год я отправилась через Польшу в Чикаго репетировать тот самый спектакль с Джоном Малковичем. Репетиции начинались второго января. Я ехала поездом до Варшавы, где должна была получить американскую визу, — все было согласовано. В Бресте входит наш пограничник и просит паспорт. Спрашивает: «Куда вы направляетесь?» Отвечает: «Я еду в Чикаго играть в спектакле». — «Вы никуда не едете, вы сходите с поезда. У вас нет американской визы».

Я заверяю его, что получаю визу в Варшаве, она меня там ждет. Он говорит: «По советским законам вы должны получить визу в Москве. Возвращайтесь обратно. Мы вас не выпускаем».

И продолжает ходить по вагону с моим паспортом в руке. Ну, думаю, уехала! Но я — боец, и я говорю: «Хорошо, но в Польшу-то мне виза не нужна. Тогда я поеду хотя бы в Варшаву». Он отвечает: «Ладно, но в Америку вы не попадете!» Берет какой-то химический карандаш и зачеркивает в моем паспорте отметку о выезде в США. Целую ночь в поезде я ватной палочкой пытаюсь стереть карандаш из моего паспорта.

— И как, удачно?

— Не очень. В результате получается некрасивое пятно.

В Варшаве еду в американское посольство. Мне говорят: «Нет, мы не можем вам дать визу, нам нужно подтверждение из Вашингтона, что вы не шпионка». Я по телефону бужу своих коллег в Чикаго, они обещают всех поставить на уши. Но подтверждения нет, а ведь на следующий день посольство закрывается на новогодние праздники! Я понимаю, что проиграла. С бюрократической машиной бороться невозможно. И тут случается чудо, как в американском кино: из двери посольства выходит консул США в Литве. Я почти бросаюсь к нему на шею, и он подтверждает, что я — человек известный, что вся литовская пресса писала о моей будущей работе в Чикаго... В общем, в самый последний момент мне все-таки выдают визу, и я как будто просыпаюсь. Я впервые понимаю, что вокруг меня прекрасная Варшава, что сегодня Новый год и что я — единственный постоялец в отеле. В 11 вечера я спускаюсь в холл отеля с бутылкой шампанского в руках, и мы замечательно встречаем Новый год вместе со старушкой-ключницей и сторожем.

— Очень романтический Новый год!

— Да, но утром меня начинает колотить вновь: я вспоминаю о пятне в паспорте! И понимаю, что поляки — тоже «советские», что они меня не выпустят. И когда я все-таки прохожу эту последнюю перепалку, а потом еду по Чикаго, то шиплю себя за руку. Не могу поверить, что все это наяву. Честное слово, никогда в жизни я не была в таком состоянии!

— Теперь вы живете в Лондоне. Что вам нравится там больше всего?

— Парки, маленькие кафе. Обожаю сидеть с подругой в таком кафе и завтракать. Это мое увлечение: ходить в кафе именно завтракать. Лондон — прекрасный город, но при этом я стараюсь почаще приезжать в Вильнюс: чтобы друзья меня не забывали.

● Александра МАШУКОВА

602